

Ч. К. ЛАМАЖАА

**Клановость
в политической
жизни регионов
России***

Активно выявлять те или иные архаические компоненты власти в политической жизни России

отечественная наука начала со времен полемики западников и славянофилов. Эта же тема присутствует в этнографических исследованиях, посвященных народам российской империи, в евразийской теории, в теории «азиатского способа производства». Постсоветские трансформации, сопровождающиеся архаизацией многих сфер общественной жизни, снова актуализировали эту тему.

Среди возрожденных понятий — термины «клан», «клановость», «трайбализм». Они стали часто употребляться в научной литературе, а также в публицистике. При этом, одни ученые считают клан явлением архаичным, другие — присущим всем обществам во все времена. Для кого-то клановость — это деструктивный феномен, кто-то видит в нем залог крепости социума. Кланом называют и группу родственников, и группу по интересам и семейный круг, и профессиональный коллектив... С большой охотой это понятие тиражируют средства массовой информации.

Попытаемся разобраться в этом хоре мнений, и понять насколько правильно исполь-

зуется понятие «клан», прежде всего в науке. Излагать буду, отвечая на следующие вопросы. Ка-

кие существуют определения клана, клановости? Можно ли говорить о кланах и клановости в России? Почему сегодня актуализировалась необходимость изучения клановости? Почему термин приобрел нормативную нагрузку? Как они соотносятся с понятием «трайбализм»? Как изучать клановость?

КЛАНЫ КАК ОБЪЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Начнем с определения. Слово «клан» («clann»), как пишет исследователь европейской истории Ю. М. Сапрыкин, на гэльском языке¹ означал у кельтских народов, главным образом ирландцев, шотландцев и валлийцев (уэльсцев), наименование рода (реже — племени). Позднее, в период разложения родовых отношений, этим словом стала именоваться группа кровных родственников, потомков одного древнего рода, носивших имя предполагаемого родоначальника. К имени добавляется приставка «тас» (сын) у шотландцев и ирландцев или «о» (внук) у ирландцев. Клановые сохраняли общую ответственность на свои земли, раздаваемые для обработки семьям, и соблюдали другие обы-

чаи родового строя (кровная месть, круговая порука, выборы старейшин). В отдельных районах Шотландии и Уэльса клановая организация сохранялась вплоть до XIX века².

Соответственно этому изначальному значению «клан» толковался вначале как род или родоплеменная группа, связанная хозяйственными или общественными узами. Именно в этом смысле изучал кланы у «аборигенных племен» России (якутов, тунгусов, финнов, осетин и др.) отечественный социолог второй половины XIX — начала XX вв. М. М. Ковалевский³. Основываясь на данных, полученных этнографами, он провел сравнительный анализ социально-правового развития племен и народов Российской империи. Это позволило Ковалевскому найти сходные черты в социальной организации ранних форм государственности, которые были присущи и славянским племенам.

Взгляд на клан как на родоплеменное образование был характерен для западных антропологов, которые занимались традиционными обществами отдаленных частей Азии, Африки, островов Тихого океана в первой половине XX века. Определяющим для обозначения характера связи между членами клана были названы родственные, земляческие отношения. Правила родоплеменной жизни достаточно жестки, хоть и закреплены лишь в устной форме традиции. В них могут входить: взаимные обязательства между старшими и младшими (представителями разных поколений), признанный авторитет и власть старших, запреты на внутриплеменные браки и месть и пр.

Углубление в этнологические работы, посвященные проблемам родства, показывает, что у специалистов изначально не было единого мнения о том, какая точно родственная группа может называться кланом. Л. Г. Морган обозначал этим словом патрилинейную группу (родственное объединение, возводящее происхождение к мужскому предку), Дж. Мердок, В. Райх — матрилинейную (женскому предку). У одних авторов клан — это община с локализованным кровнородственным ядром, у других — группа родствен-

ных семей, главы которых ведут свое происхождение от общего предка. В последнее время в этнологии, преимущественно зарубежной, представления более упорядочились. Кланом стала считаться кровнородственная группа, члены которой возводят свое происхождение к общему предку (унилинейная) — мужскому или женскому, но не могут проследить все свои родственные связи генеалогически. Она может состоять из линиджей (англ. lineage от linea — линия, ряд) — формы родственных объединений, которые могут проследить реальные генеалогические связи друг с другом. И клан, и линидж (его составная) рассматриваются как корпоративные группы, обладающие чувством единства и часто имеющие общую собственность.

Понятие «клан» в дальнейшем стало востребовано в целом социальными науками. В первую очередь это было связано с исследованиями в области социологии семьи. В середине XX века исследователи заговорили о повсеместном сдвиге к нуклеарной семье, разрушению семьи расширенной, других типов родственных связей, в том числе и в странах третьего мира (У. Гуд⁴ и др.). У представителя фрейдистского направления в социальных науках В. Райха клан — единица социальной структуры первобытного общества — по мере развития экономических отношений постепенно разрушается семьей, на основе которой зарождаются классы в обществе⁵.

Однако другая группа ученых, в частности Э. Гидденс, им возражала, считала, что неверно придавать чрезвычайно большое значение этим тенденциям, предполагать, что нуклеарная семья повсеместно становится доминирующей формой. В большинстве обществ современного типа расширенная семья по-прежнему остается нормой, и сохраняется традиционная практика семейных отношений. «Более того,— подчеркивает Гидденс,— типы семейных систем разнообразны, и изменения в этих системах происходят в различных направлениях. Наблюдаются отличия в скорости происходящих

перемен, имеется множество встречных тенденций»⁶.

В наиболее общем рассмотрении семьи стали сравниваться по двум основным типам: «традиционная» и «современная». Первая — расширенная семья (как минимум три поколения) — построена на родственно-семейном принципе организации всей общественной жизни, перевесе ценностей родства над максимизацией выгод индивида, имеет своей основной экономической единицей семейное домохозяйство. В такой семье низкая социальная мобильность (как правило сыновья наследуют социальный статус и профессиональную специализацию отца). В системе ценностей традиционной семьи на первом месте находятся: долг, следование традициям, авторитетам старших, ценностям детей. Выбор супруга подчинен интересам всей семьи. Для современной семьи — нуклеарной — характерно отделение интересов родства от социально-экономической и политической жизни, разделение дома и работы, независимость в трудовой деятельности от статуса в семейно-родственных отношениях. Семейное производство не исчезает вообще, а перестает быть главным элементом экономики. Присутствует высокая мобильность, ценятся индивидуализм, независимость, самореализация и пр. Выбор супруга открыт и является личным делом человека.

В качестве одной из форм традиционной семьи рассматривается клан. Однако исследователи по-разному определяли его характерные черты. Одни строго придерживались традиционных этнографических установок по отношению к клану, другие — использовали лишь «основу» представлений о клане, а третьи вовсе модернизировали понятие.

Например, позиция Э. Гидденса ближе к взглядам первой группы исследователей. Он определяет клан как одну из больших родственных групп, выделяя следующие его характеристики: внутриклановые связи выходят за пределы обычных прямых семейных родственных связей; члены одного клана обладают, как правило, схожими религиозными верованиями, имеют экономические

обязательства друг перед другом и живут в одной и той же местности. При этом главным признаком является идентификация. Поэтому собственно клан исследователь представляет как группу, «все члены которой считают, что они происходят (по мужской или женской линии) от общего предка, давшего начало клану несколько поколений назад»⁷. Таким образом, члены клана расценивают себя и рассматриваются остальными как коллектив, наделенный специфическими чертами.

В качестве примера Гидденс называет преступный клан Сы в традиционном китайском обществе. В его состав могло входить до нескольких тысяч людей. В клане был совет старейшин, была одна религия. На членов клана возлагалось решение экономических и педагогических задач. В Сы существовала система предоставления денежного кредита его членам, а также орган для разрешения спорных вопросов. Такая организация способствовала возникновению китайской организованной преступности, процветавшей в крупных городах Китая и до сих пор сохранившей позиции в Гонконге⁸.

Польский социолог Я. Щепаньский, например, рассматривает кланы как социальные общности, выделяемые на этнокультурной основе. Такие группы есть в разных формах во многих обществах. Клан он делит на два рода: кланы как родовые союзы (они являются зачатками политических институтов), и кланы тотемические, имеющие характер семейных союзов с религиозной подоплекой. Он подчеркивает, что кланы — группы, характерные для первобытного общества, но в некоторых формах они могут играть важную роль и в современных обществах, как например, в Японии или в Китае⁹. В его представлении также заметен некоторый отход от чисто этнографического понимания кланов.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ О КЛАНАХ

Третья группа исследователей, которые модернизировали понятие «клан», расшири-

ли его значение, занимаются уже не столько и не сколько этнологическими объектами и даже не семейными системами.

Дело в том, что клановые отношения имеют целый ряд особенностей, делающие эту группу устойчивой социальной формой взаимопомощи людей, позволяющие выживать им в неблагоприятных социальных условиях. Поэтому эти черты стали заимствоваться, использоваться, даже культивироваться целенаправленно в менеджменте различных организаций, неформальных групп. Соответственно клановость стала усматриваться социологами, политологами, как на Западе, так и в нашей стране, в неродственных группах. Из их представлений о клане «выпал» такой важный элемент как кровнородственная связь между его членами, и сам он стал трактоваться как особое социальное образование с жесткой внутренней регламентацией, закрытостью. Например, уже в словаре русского языка С. И. Ожегова мы видим такое расширенное толкование слова: «Клан — замкнутая группировка людей, считающих себя избранными, лучшими в каком-нибудь отношении»¹⁰.

Отечественный социолог Ж. Т. Тощенко, ссылаясь на определение из ожеговского словаря, допускает модификацию, превращение клана в касту, являющуюся «узкой общественной группой, которая отстаивает свои привилегии и интересы и доступ куда для посторонних затруднен и невозможен»¹¹. Таким образом, по мнению ученого, превращенными формами кланов можно считать многие закрытые акционерные общества (ЗАО), замкнутые политические группировки и др.

Также трактуют термин «клан» и отечественные политологи: О. В. Гаман-Голутвина¹², О. Крыштановская¹³, С. П. Перегудов¹⁴ и др. По мнению О. В. Гаман-Голутвиной, обоснованность использования понятия «клан» обусловлена характером сложившихся в рамках описываемых образований связей, которым свойственны все те качества (закрытость, клиентелизм, сугубо корпоративная, партикулярная ориентация), кото-

рые, с точки зрения С. П. Перегудова, составляют существо клановых отношений¹⁵. О. Крыштановская считает, что к кланам подходит гиденсовское понятие «группы взаимопомощи», которые отличаются иерархической структурой, отсутствием фиксированных должностей, непостоянным членством, наличием некоторых моральных принципов и общих интересов, связывающих группу. По сути, пишет она, клановые группы взаимопомощи являются межинституциональными неформальными общностями, существующими параллельно с формальными иерархизированными группами¹⁶.

О кланах как группах взаимопомощи пишут и западные исследователи, рассматривая понятие как универсальную характеристику социальной жизни России и всех постсоветских государств. По их мнению, перед странами бывшего соцлагеря не стоит дилеммы «план или рынок», им также чужд выбор «клан или рынок». «Стратегия их развития предполагает становление более развитой экономики через клан», — пишет американская исследовательница Н. Динелло, ссылаясь на мнение Г. Граббера, Д. Старка, Л. Брусца (Бруста)¹⁷. Организация по типу клана представляет собой, по ее мнению, вертикально интегрированную группу, в которой наверху стоит лидер бизнеса и «свой человек» в правительстве, ступенькой ниже — руководители банков, предприятий и средств массовой информации. Им подчиняются аналитики и консультанты, специалисты по общественным отношениям, журналисты, работники служб безопасности. Объединяющим принципом для кланов, с точки зрения исследовательницы, является принцип «Кто не с нами, тот против нас».

Насколько приемлема третья точка зрения — расширенная трактовка клана, употребление этого термина при характеристике современных групп в социальных группах, в частности в политических элитах?

ОСНОВА КЛАНОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

На мой взгляд, в расширенной трактовке теряется очень важная характеристика, ко-

торая отличает кланы как группы родственников и позволяет уследить в нынешних социальных процессах, в частности в политических, — реархаизированные традиции родоплеменных отношений трансформирующихся обществ. Можно различать два типа социальных групп: клановые (или клановые корпорации) и социально-корпоративные (социальные корпорации). Первые создаются семьей лидера, родственниками (расширенная семья) и только потом дополняются неродственными членами, группами. У вторых можно отметить наличие черт, подобных клановым (замкнутость и пр.), но кланами их называть неверно, так как в центре неродственной корпорации находится не семья (или семья, но нуклеарная).

Основа клановых отношений, какие можно наблюдать в современности, на мой взгляд, заключается не в закрытости, клиентелизме, корпоративности и партикуляризме (как считает часть политологов). Эти характеристики следует рассматривать скорее как следствие. Клановые отношения — это, прежде всего родственные отношения между людьми, объединенными, как и в архаические времена, для решения экономических задач выживания. Для представителя клана его восприятие семьи как группы «пожизненного действия» (по определению П. Штомпки¹⁸) соединяется с тем видом деятельности, которым она занимается, какими ресурсами обладает, определяется тем, какую позицию в обществе она занимает. Соответственно выстраивается его собственная семейная идентичность, которая в его комплексе идентичностей срастается с профессиональной (коллективистской, гражданской, политической, имущественной и пр.).

Член клана имеет несколько фундаментальных для себя ценностей, прочно связанных между собой: своя жизнь и свое будущее, благополучие семьи, семейное дело. Он получает работу и блага от клана, потому вкладывает свои силы на поддержание клановых взаимоотношений, сохранение его ресурсов. Если клан теряет источник своих

благ, если он разрушается как родственно-экономический конгломерат, то ломается сложное переплетение профессиональных, экономических и семейных ролей. Для человека, глава семейства которого потерял свои позиции, это означает и потерю позиций им самим. Поэтому он работает на лидера, подчиняется ему, зависит от него. В этой ситуации член клана — не автономная личность, он закован в жесткие рамки коллектива и это положение за ним закреплено не в результате его выбора, а предопределено. Весьма точно определил специфику традиционных-общинных групп, к которым относится клан, политолог Э. Хейвуд: «такие группы не создаются под какую-то цель, в них никто никого специально не приглашает и не принимает — человек в них живет с момента рождения»¹⁹.

Например, умирает лидер мафиозной клановой группировки, не оставляя крепкого преемника, и определенная сфера, которую контролировал преступный клан, переходит в руки другого клана. Члены старого — теряют и лидера — члена своей семьи, и свое положение в обществе. Также и уход влиятельного политика со своего поста руководителя. Его родственники, которые окружали его на должностях «рядом», в подчинении, теряют своего покровителя и соответственно лишаются своего влияния на окружающих; они остаются без «теплых» мест, на которых надо было доказывать свой не профессионализм, а личную преданность лидеру. В другую команду политика они вряд ли попадут.

Именно задачи выживания, самосохранения клана заставляют его членов подчиняться строгим правилам внутренней жизни, делают группу замкнутой, обособленной.

Социальные корпорации или финансово-политические группы, которые политологи и СМИ часто называют «кланами», являются по сравнению с клановыми корпорациями все же временными объединениями, несмотря на наличие у их членов сильных общих интересов и взглядов, в том числе на основе материальной зависимости, политических

убеждений и даже моральных взглядов. Ведь подчиненные лидеру могут примкнуть к другой группе, где они обретут более крепких покровителей и более крупные суммы вознаграждений за свою работу и преданность. Я уже не говорю о том, что и высшие лица такого «клана» могут распространять свое покровительство на других угодных им, создавать новые коалиции.

Интересы и волю представителей таких групп определяют конкретные социальные условия, конъюнктура, что хоть и является существенным фактором для возрождения, расцвета или упадка кланов, но не может быть источником их зарождения «с нуля», фактором их развития в любом обществе (такое мнение тоже встречается в научной литературе).

Трагедия распада корпоративной, политической групп может и не затронуть семейных взаимоотношений их членов, не отразится на их базовой семейной идентичности, потому что последняя не будет связана с профессиональной. Команда политика может развалиться, люди потеряют должности его имиджмейкера, советника, политтехнолога и пр. Но семейная жизнь их не вовлечена в эти профессиональные отношения, она остается относительно автономной, не разрушается. Конечно, жена может уйти от человека, потерявшего выгодную работу, зарекомендовав себя, статус и пр., но в данном случае разрушение отношений произойдет в социальном институте (семье), который лишь косвенно был связан с «рабочей» группой, получал блага от деятельности в группе одного из ее членов.

Суммируя высказанное, я подчеркиваю, что не считаю возможным употребление термина «клан» в отношении групп профессиональных интересов, финансово-политической корпораций и других видов социальных корпораций. Иначе мы теряем из поля зрения весьма интересный специфический объект для изучения, смешиваем его с другого рода объектами.

Однако и в отношении первой обозначенной группы сегодня понятие «клана» можно

употреблять с известной долей условности. Классические кланы (если ориентироваться, например, на социолого-этнографическое определение Э. Гидденса) в трансформирующихся обществах найти сложно, практически невозможно. Архаичное образование и архаичные социальные связи не могут существовать автономно, абсолютно замкнуто. Если вокруг лидера находятся группы родственников, соплеменников-земляков, то кроме них теперь к клану также могут примыкать и лица, не состоящие в прямом родстве с лидером. Вхождение может быть и на основе традиции общего происхождения, землячества, а также — взаимных интересов, обязательств. Тем самым, нам следует рассматривать группу как клановую корпорацию, как сплав архаических и современных компонентов.

Далее для удобства я буду ее называть все же кланом, подчеркивая еще раз, что речь идет о современных неклассических кланах, о клановых корпорациях, которые в большинстве случаев и наблюдают исследователи.

СОСТАВ КЛАНОВЫХ КОРПОРАЦИЙ

Как схематически можно описать современную клановую корпорацию? Профессор из Кыргызстана А. А. Князев, подчеркивая ее разносторонность, пишет о ядре и окружении, который, по его мнению, состоит из «группы родственников по крови и браку, однокашников и личных друзей лидера, независимо от их родоплеменной принадлежности, а временами и даже национальности, объединенных продолжительной совместной деятельностью в определенном регионе (области)»²⁰. Тем самым исследователь рассматривает кланы в узбекском обществе — группы узбеков, сформированных на основе территориальной общности по районам (Ферганская долина, Ташкентский оазис, Самаркандская, Джизакская и Бухарская области, Кашкардарьинская и Сурхандарьинская области, Хорезмский оазис).

Политолог О. Крыштановская, описывая корпоративный или элитный политический

«клан», использует образ слоеного пирога: верхний слой «пирога» представляет публичный политик, символ клана. Второй слой, по ее мнению, составляет группа его политической поддержки, третий — группа экономической поддержки, далее — обслуживающие интересы данной группы средства массовой информации, и, наконец, частные армии и спецслужбы (приватизированные юридически или фактически части государственных силовых структур).

На мой взгляд, образы «ядра с кругами», «пирога» не совсем точно передают специфику иерархических взаимоотношений в клане. Скорее это будет такой сплав: пирамида (распространенный у политологов образ), но на вершине ее находится не острие (один человек), а то самое ядро — главные члены семьи («серые кардиналы») вокруг лидера (символа клана), которые могут влиять на его решения, с мнением которых ему приходится считаться. Ниже располагаются родственники, образующие вместе с «главной семьей» основание клана. Современными же дополнениями — на одной ступени вместе с родственниками, а также ниже располагаются неродственные члены клана.

Известный специалист по номадизму Н. И. Крадин, говоря о клановости, также указывает на своеобразие момента, когда сосуществуют современное и традиционное: «во многих бывших традиционных обществах складывается своеобразная «двойная» политическая культура, в которой параллельно с официальными органами управления присутствуют традиционные формы власти»²¹. Он пишет о том, что клановость ныне приобрела масштабный характер в обществах с сильными клановыми (родовыми) и племенными связями.

Само явление клановости он определяет как «практику протекционистского привлечения к управлению ближних и дальних родственников, земляков, которая сопровождается вытеснением с ключевых постов лиц, не состоящих с иерархом в родственных отношениях»²². Протекционизм по отношению

к родственникам, по мнению Крадина,— это частный аспект «личностных» отношений в доиндустриальном, традиционном обществе, не изжитый и в индустриальных обществах. Широко распространенное в истории явление основано на глубоких биологических корнях — противопоставлении «свой — чужой!»²³. Исследователь напоминает, что с клановостью столкнулись партийные чиновники во время установления Советской власти на всей территории страны. В отечественной науке тогда использовались термины: «местничество», «улулизм» или «кумовство».

В современности проблема продолжает сохранять актуальность. Яркий пример клановости во власти на федеральном уровне в 1990-е годы продемонстрировала семья первого президента России Б. Н. Ельцина. Причем, исследователи различают у Ельцина гражданско-правовую семью («большая семья») и политическую («семья большого человека»²⁴), которые не совпадают, но при этом только участие ближайших родственников главы государства в деятельности неформального органа власти сделало возможным использование маркеров семейственности²⁵. В указанном различении двух «семей» очевиден предложенный мною образ пирамиды с ядром на вершине. Характерно, что журналисты во второй половине 90-х говорили не о личности Б. Н. Ельцина, а о «коллективном Борисе Николаевиче»²⁶.

Уже следующий глава государства — В. В. Путин, по мнению О. Крыштановской, сформировал клановость иного рода — «корпоративный дух спецслужб»²⁷. О семье Ельцина пишут теперь как об уникальном явлении: «расщепления конструкта “семья” в российском политическом дискурсе не произошло: место было прочно зарезервировано под ельцинскую фамилию»²⁸. Она и далее может остаться общероссийским феноменом семейственности во власти в единственном числе. Почему?

Российская особенность политической жизни, в основе которой лежат традиции самого многочисленного этноса — русских,

общепризнанно характеризуется традиционностью. Но у славян территориальная община все же была выражена сильнее, чем родовая. Речь идет о традициях патронажной системы в политической культуре, о сильных патрон-клиентных связях (или в терминологии М. Н. Афанасьева — «патрон-клиентельных»²⁹) и отношениях, крепкой иерархичности общественной жизни.

Именно в эту схему вписываются сильная роль государства, слабость родовой аристократии (по сравнению с западными кланами), особое значение правящих групп (в разных определениях — номенклатуры, бюрократии, чиновничества, элиты, олигархии и пр.), апатия населения, привычка ориентироваться на вышестоящие инстанции, трудности развития гражданского общества, слабые горизонтальные связи в нем и пр.

То есть в российской политической культуре сильны все же традиции неродственного патроната. Есть и еще одно объяснение. Интересно подчеркнута эта особенность в сообщении информагентства Stringer 6 декабря 2000 года: «Получается, что “семья” вовсе даже и не клан. “Семья” — это взаимоотношения всех кланов и степень их приближенности к президенту. Иными словами, “семья” — это и система российской власти, и способ ее воспроизводства»³⁰.

Ельцинская семейственность стала методом функционирования власти в самое кризисное время (своего рода «неотложкой»), как собственно для самой власти (неможное состояние Ельцина), так и диких 1990-х годов для российского общества.

КЛАНОВОСТЬ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Сегодня клановость в политической жизни России продолжает сохранять большую актуальность на региональном уровне. Клановые корпорации и клановость можно наблюдать в тех регионах, где более всего сохранены патриархальные устои, сильны родоплеменные связи и отношения, — в национальных республиках, общественный и политический облик которых в значи-

тельной мере определяет этнокультурный фактор. Феномен клановости отмечается, например, в Калмыкии, Башкирии, Татарстане, Бурятии, Дагестане, Туве. Например, в Калмыкии почти 85% горожан и более 90% жителей села идентифицируют себя с той или иной племенной группой. Здесь «борьба за власть,— пишет Н. Н. Крадин,— ведется между тремя главным племенными группировками: торбутской и дербентской (истоки, противостояния которых уходят в двоично-троичную крыльевую систему), а также бузавской, этнически более молодой, состоящей из потомков донских калмыков»³¹.

Если говорить о постсоветском пространстве, то ярче всего клановость проявилась в среднеазиатских государствах СНГ. При этом высказываются мнения, что клановость в Узбекистане, например, отличается от клановости в Казахстане. Казахские кланы сформированы на принципе родоплеменных связей, тогда как узбекские — основываются на территориальной общности³². Следует отметить также, что клановые корпорации исследователи усматривают и на не-азиатских территориях, в частности в Украине³³.

Важно при этом понимать, что клановость в регионах — в принципе явление одного порядка, что и клановость на федеральном уровне (на примере Семьи Ельцина). Проблема заключается в том, чтобы с одной стороны видеть за региональным и упомянутым федеральным кланом одно основание, системное единство³⁴. С другой стороны, важен и тот факт, что для региональных лидеров национальных территорий клановый принцип — гораздо более близкая и неизжитая историческая форма организации социальных и политических отношений, именно потому клановость в регионах — проблема большего масштаба и длительности.

Расцвет клановости здесь произошел, считает А. А. Князев, в результате «регенерации» феодально-патриархальных отношений, особенно в сельских местностях³⁵. Он отмечает, что в центральной Азии совет-

ская номенклатура во многом оставалась традиционной восточной элитой, которая была сформирована по принципу родоплеменной или(и) региональной принадлежности. В этой среде всегда действовали вертикальные отношения патронажа. Пятнадцать лет постсоветских преобразований не изменили, по мнению ученого, ни распределительный характер экономики, ни характер клановых отношений.

Трансформация азиатских обществ в советское время, действительно, была не столь кардинальной, чтобы были утеряны столь важные социальные институты, как род, племя, семья и соответствующие им отношения в обществе. Но новая власть внесла определенные коррективы в расстановку политических сил в регионах. В начальный этап истории советского государства принцип родоплеменного деления этносов во власти вовсе был оттеснен на задний план. Произошло это, потому что в кадровой политике коммунистической партии главенствовали классовый и этнический подходы.

Как пишет отечественный этносоциолог А. А. Сусоколов, коммунистические организации на местах, руководимые РКП(б), а затем центральными органами ВКП(б), стремились перевести социальное напряжение, вызванное центробежными тенденциями на национальных окраинах российской империи, из русла межнациональных в русло межклассовых противоречий. В соответствии с этим они старались сплотить беднейшие и наиболее страдавшие от власти этнических элит слои населения, настроить их против собственных лидеров³⁶. При назначении новых руководителей республик, областей, округов учитывалось классовое происхождение кандидатур. Но и этнический принцип был весьма важен. Советская власть должна была на огромной территории сформировать устойчивую политическую структуру и это ей, как отмечает Сусоколов, удалось. Однако ценой за это стало создание системы национально-государственных образований на некогда гомогенной территории. На территории каждой быв-

шей национальной окраины были выделены новые большие социальные группы, которые получали определенные преимущества в культурном, политическом, а иногда и в экономическом отношении по сравнению с остальным населением.

Тем самым, старая родоплеменная система со своими правящими кланами ушла в прошлое, произошла смена лидеров, стали составляться новые костяки правящих групп — советской номенклатуры на местах. Для нее была характерна по сути такая же система иерархической вертикали власти, особая роль личных связей и патрон-клиентельных отношений. Именно поэтому принципы родоплеменного деления и властвования традиционных обществ в республиках не были забыты совсем. В знаменитом исследовании анатомии советской партийной элиты М. Восленский считает, что режим номенклатуры весьма сходен с феодальным строем, потому называет приход к власти номенклатуры (коммунистической бюрократии) — феодальной реакцией³⁷. Это позволило клановым отношениям «дремать» до появления соответствующих условий, а при их наступлении — возродиться (в период развитого социализма) и еще позднее (в постсоветское время) расцвести.

Например, исследователь казахского общества Н. Амрекулов пишет как раз о таком периоде возрождения: «в эпоху разложения коммунистической системы и застоя, когда национальная партийная номенклатура одержала перевес над русской элитой, ожила жузовская структура субординации казахской элиты»³⁸. Описывая оживление, он дает формулу межжузовского традиционалистского нисходящего баланса сил, когда во власти были представители всех трех казахских жузов. 1990-е годы продемонстрировали ликвидацию традиционного межжузовского паритета, который был характерен, по представлению автора, в традиционном обществе, а также в советский период истории Казахстана. Нынешняя ситуация характеризуется полновластием одного клана — президента Назарбаева.

С начала постсоветских преобразований, в 1990-е годы, вплоть до начала 2000-х годов, советская номенклатура, как отмечает О. Крыштановская, сохранила свои позиции. Подъем на верхние позиции глав регионов происходил за счет статусного перемещения в иерархии (многие губернаторы ранее были заместителями руководителя того же уровня и в том же регионе)³⁹. Тем самым выборы не изменили принципиальный состав региональной элиты. Но изменились в целом общественные условия, которые ранее были благоприятными для номенклатуры. Она уже не была единым правящим классом. Разрушилась вся народнохозяйственная система, взаимосвязи между центром и регионами, Москва была занята своими проблемами, страна была в хаосе.

ЛОКАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ОДНОГО ЯВЛЕНИЯ

На кого опереться в условиях общественного хаоса, царившего в 1990-е годы? Прежде всего, на себя и своих родственников. Они преданны, они тебя не предадут, ибо твоя должность — гарантия их благополучия. Клановость стала для старой элиты в новом обличье единственной надежной схемой отношений для выживания в условиях разрушенной государственной системы. Уже в начале 90-х татарский исследователь М. Х. Фарушкин писал, что в Республике Татарстан — в национальном регионе, лидере парада суверенитетов начала 1990-х годов, «правлящим верхам удалось на ближайшую перспективу, по существу, закрепить господство номенклатуры и создать мощнейшую преграду на пути демократии»⁴⁰.

Отсюда формулируется вывод: современная клановость в постсоветских обществах — государствах СНГ, ряда российских регионов — является локальными, региональными вариантами постсоветской, российской иерархической патрон-клиентельной системы, жесткий характер которой определяется (и возможно, еще долго будет определяться) сильными традициями власти, господства, родовых отношений в трансформирующихся

обществах. Речь идет о том, чтобы не просто рассматривать клановость как экзотические особенности ряда регионов, списывать их политические проблемы только на какую-то восточную специфику, своеобразие, возродившуюся и правящую социальном «балом», а в том, чтобы видеть за этим системное единство.

Феномен клановости рассматривается исследователями в первую очередь во властных структурах обществ, в политической жизни, в политической культуре. Именно здесь он приобрел самые яркие проявления. А, учитывая тот факт, что замкнутость правящих групп имеет негативные последствия в деле управления обществом, для процессов демократизации, неудивительно, что термин приобрел негативный оценочный характер, перекочевал в публицистику, в массовую культуру. В ряде случаев отмечается употребление термина «трайбализм» (английское «tribalism», корнями восходящее к латинскому «tribus» — племя) как его крайнего проявления.

Соответственно «трайбализм» может определяться как, во-первых, поведение, отношение и привязанности, возникающие вследствие принадлежности к клану, и особенно ярко проявляющиеся в момент противостояния другому клану; во-вторых, как клановый способ организации сообщества⁴¹. Несмотря на то, что трайбализм может выступать синонимом клановости, более всего актуальной стала его первая трактовка, подчеркивающая негативные проявления. Так, в литературе часто встречаются определения трайбализма как племенного сепаратизма; его характеризуют как деструктивное явление наряду с «региональным шовинизмом» и «воинствующим национализмом»⁴². Политолог Э. Хейвуд называет трайбализм «групповым поведением, характеризующимся внутренней замкнутостью и исключительностью, обычно сопровождаемым враждебностью по отношению к другим группам»⁴³. Ш. Кадыров, демограф из Туркменистана, понимает трайбализм как «борьбу кланово-региональных, то есть племенных и зем-

ляческих, субэтнических общностей за гегемонию»⁴⁴.

Как уже упоминалось, клановость стала опорой в условиях социальной нестабильности, временным принципом политической организации. Отсюда логически возникает предположение, что «пожарная» организация власти, как выражается журналист К. Лукеренко⁴⁵, со всеми ее негативными проявлениями (трайбализмом), не будет иметь продолжения, останется признаком этого времени. Когда уйдут обстоятельства, породившие их, то и клановые корпорации сменятся объединениями другого рода. Однако в каждом регионе этот процесс на наших глазах происходит болезненно, постепенно — в зависимости от нескольких внутренних факторов: уровня социально-экономического развития самого региона, слабости или силы власти, распространенности родоплеменных отношений в обществе — то есть влияния этнокультурного фактора на социальные и политические процессы. Главы государств и регионов, даже если они не поддерживают (декларативно и на деле) принципы кланового деления, то вынуждены считаться с этим явлением.

Надо сказать, что не всегда традиционность рассматривается как тормоз, как негативный фактор, препятствующий избавлению общества, властных структур от старых форм организации. Н. Н. Крадин считает, что «в посттрадиционных восточных обществах патронажно-клиентные отношения выполняют важную стабилизирующую роль»⁴⁶. Он подчеркивает, что немалое количество древних, средневековых и современных обществ Азии, Африки и Америки можно классифицировать как режимы с авторитарно-традиционной системой властвования. «Однако деспотизм высшей власти на Востоке сильно преувеличен,— пишет он.— С одной стороны стремление к неконтролируемому господству здесь всегда гасилось существованием на низовом уровне общинных, племенных, профессиональных и иных организаций, несколько смягчавших пресс власти на отдельного человека. С другой

стороны, для традиционной (в том числе восточной) культуры характерно патерналистское восприятие государства подданными. Поэтому массы никогда не стремились изменить существующий порядок, а лишь требовали от верхов соблюдения справедливости»⁴⁷.

Родоплеменные отношения являются основой существования традиционного общества и могут в значительной степени определять характер трансформационных процессов социума на пути модернизации. Анархический социальный порядок в условиях неудачных реформ неизбежно актуализирует старые формы взаимоотношений. В том числе в экономическом плане близкие личностные связи между родственниками помогают им выживать, являются основой для взаимопомощи, взаимовыручки. В культурном плане люди начинают ориентироваться на старые виды деятельности, находят опору в вековых религиозных традициях и пр. И с этой стороны в реархаизации можно увидеть определенные плюсы, так как есть основа для восполнения духовного вакуума реформируемого, растерявшегося общества с культурной травмой, есть автономные микроструктуры общества, могущие стать основой возрождения и укрепления экономики.

Клановость может даже считаться неизбежной частью стратегии развития трансформирующихся обществ. Западный исследователь японских корпораций В. Оучи и вовсе считает, что клановые формы во власти выгодно отличаются от бюрократических систем. Последняя имеет четко очерченные пределы своей эффективности, ведет к «внутреннему краху» организацию, так как ее природа жестка и негибка, люди не вовлечены в управление. Клановые же структуры для современного общества, по мнению ученого, гораздо более эффективны⁴⁸. О том, что клановость может быть полезна для развития России, встречаются мнения и в отечественном общественном дискурсе⁴⁹.

Однако не надо забывать и о минусах клановости, при которых сохраняются тенден-

ции иерархической структуры к непомерной раздутости, громоздкости, негибкости, самодостаточности и самоуспокоенности. Когда родоплеменные отношения «вторгаются» в область управления обществом, властные решения принимаются не на основе рациональной целесообразности.

Несмотря на то, что и ученые, и политики, и большинство населения азиатских регионов осознают проблему клановости, знают об особенностях традиционного менталитета, родоплеменных интересов, сами правящие группы редко когда признают этот фактор.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В связи с этим следует упомянуть о сложностях методологического характера. Как изучать современную клановость?

Прежде всего, Н. И. Крадин говорит о невозможности документальной фиксации явления, утверждая, что в этом вопросе социологические опросы не могут адекватно отразить существующую ситуацию. Он считает, что прямая постановка столь щекотливого вопроса («Предпочитаете ли Вы, чтобы руководителем был Вашим родственником?» или «Если бы Вы были руководителем, то собрали бы вокруг себя своих родственников?») вызывает, как правило, однозначно отрицательный ответ⁵⁰. Есть, правда, еще возможность формулировать вопросы не столь прямо, а просить дать общую оценку ситуации тех же представителей чиновничества, как это продемонстрировано в опросе Н. А. Афанасьева среди слушателей Российской Академии государственной службы⁵¹.

Но в любом случае, клановая солидарность, особенно связывающая властные структуры сверху донизу, не позволит добыть прямые доказательства ее существования в политике, ни письменные, ни устные. Представить себе ситуацию не сложно. Сторонний интервьюер подходит к начальнику, облеченному полномочиями кадровых назначений, с вопросом «Почему тот или иной человек получил определенную высокую

должность?». В ответе прозвучит какая угодно причина (специальность назначенного, его стаж, опыт, квалификация, необходимые навыки и пр.), но только не признание родственной принадлежности человека к кому-то из вышестоящих или обмена должности на определенные услуги (лояльность, преданность, лжесвидетельство, молчание и пр.).

Социальная практика будет предьявлять одно, а официальное мнение — совершенно другое. В качестве примера можно привести ответ президента Республики Тыва (1992–2002 гг.), председателя правительства РТ (2002–2007 гг.) Ш. Д. Ооржака на вопрос журналиста: «Принимаете ли вы упреки в том, что окружили себя родственниками и земляками?» — «Могу здесь похвастаться: в историю нашей республики я, наверное, войду как человек, который не по знакомству набрал кадры в правительство, а по профессиональному уровню»⁵². Несмотря на эти слова политика, правившего регионом в течение пятнадцати лет, большинство политологов говорят о клане Ооржака и его противоборстве с другими кланами.

Также отрицает клановость и глава Республики Татарстан: «Покажите, где клан? Из этого клана есть кто-нибудь, кто достойно не служит Татарстану?», — искренне возмутился М. Шаймиев в эфире радиостанции «Эхо Москвы» 30 марта 2005 г. Журналист газеты «Вечерняя Казань» так комментирует слова М. Шаймиева: «Конечно, в том, что сыновья Минтимера Шариповича его «не подводят, любят людей, эффективно работают», нет ничего плохого. Дай бог всем иметь таких же умных, энергичных, целеустремленных сыновей. Но есть ли у других возможность так же эффективно работать на благо республики? Клановость в том и заключается, что тот же Радик Минтимерович в считанные минуты может решить вопросы, на решение которых другие — не менее талантливые и энергичные — могут потратить годы и все равно ничего не решить»⁵³.

В свете сказанного, понятно, что для описания проблемы клановости в политической

жизни исследователями лучше отдавать предпочтение методам наблюдения, при котором объектом становится не только власть, но и в целом общество. При этом метод включенного наблюдения был бы более удобным для исследователей в самом изучаемом обществе из числа местных ученых. Однако нетрудно догадаться, что тема в самих регионах эта непопулярна, не будет встречена с восторгом руководством научного, учебного заведения, в котором будут вестись подобные работы, так как это грозит осложнениями отношений с вышестоящими инстанциями. Ученому просто-напросто будут грозить всяческие неприятности в его работе.

Исследования же сторонних наблюдателей наталкиваются на проблемы закрытости, отсутствия информации даже неформального характера. Например, исследователь В. Хлюпин свой доклад «Казахстанская политическая элита: между модернизацией и трайбализмом» на Втором Всероссийском конгрессе политологов (г. Москва, 2000 г.) начал именно с исследовательской проблемы: «Любое азиатское общество, Казахстан здесь отнюдь не исключение, всегда считалось и действительно было достаточно закрытым. Стороннему наблюдателю редко когда удавалось проникнуть за кулисы официальной политики, докопаться до истины в завалах газетной и телевизионной информации. Механизм функционирования политической элиты, да и просто ее состав, относятся не просто к сфере государственных секретов, а скорее носят характер общественных «табу» — об этом не принято говорить, тем более с непосвященными».

Несмотря на эти сложности, исследования все же проводятся, в том числе рядом независимых от политической конъюнктуры ученых из самих регионов. Маячат светлые перспективы для работы в регионах, где власть с номенклатурными «корнями» уходит и ее у руля сменяет новая генерация политиков.

Ныне наиболее изученными считаются клановые политические структуры Казахстана. По большей части они выполнены

представителями научного мира этой страны. Особую ценность работам придают описания и анализ с использованием исторической ретроспективы, когда кланы во власти рассматриваются на фоне особенностей политической культуры населения в период существования традиционного общества, в советский период и в постсоветский. Подобный подход и методику исследований по клановости в политической культуре российских регионов предстоит разработать и отечественным исследователям.

¹ Гэльский язык (гаэльский) — язык шотландцев, населяющих северную (горную) часть Шотландии и Гебридские острова.

² Сапрыкин Ю. М. Английская колонизация Ирландии в XVI — нач. XVII в. М., 1958.

³ Ковалевский М. М. Клан у аборигенных племен России // Социологические исследования. 2002. № 5. С. 129–138.

⁴ Goode W. World revolution in family patterns. New York, 1963.

⁵ Райх В. Сексуальная революция. СПб. М., 1997.

⁶ Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 370.

⁷ Там же. С. 363.

⁸ Там же.

⁹ Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969. С. 176–177.

¹⁰ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1991. С. 276.

¹¹ Тощенко Ж. Т. Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 131.

¹² См.: Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М., 2006.

¹³ См.: Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2004.

¹⁴ См.: Перегудов С. П., Лапина Н. Ю., Семенов И. С. Группы интересов и российское государство. М., 1999.

¹⁵ Гаман-Голутвина О. В. Указ. соч. С. 335.

¹⁶ Крыштановская О. Указ. соч. С. 83.

¹⁷ Динелло Н. От плана к клану: социальные сети и гражданское общество. // Профес-

сионалы за сотрудничество. Ч. 1. (Гражданское общество: историко-философские корни, реальная практика, перспективы. Материалы конференции 1998 г.). М., 1999. См.: <http://www.prof.msu.ru/publ/book3/din.htm>.

¹⁸ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2005. С. 213.

¹⁹ Хейвуд Э. Политология. М., 2005. С. 335.

²⁰ Князев А. А. Причины узбекского бунта: наркотики и клановость, а не исламизм. См.: http://www.kreml.org/opinions/86990767?mode=print&user_session=dedce22d07a7cfe0f51ca45c626

²¹ Крадин Н. Н. Элементы традиционной власти в постсоветской политической культуре: антропологический подход. См.: <http://www.analitika.org/article.php?story=20060418094213324>

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ В своих мемуарах Б. Н. Ельцин сам перечисляет членов своей команды, называя ее «Семья»: «Если кому-то этот термин «Семья» больше нравится, можно сказать и так: членами моей Семьи были и Чубайс, и Волошин, и Юмашев, и Джахан Поллыева, и Сергей Ястржембский, и Вячеслав Сурков, и Руслан Орехов, и Игорь Шабдурасулов...». См.: Ельцин Б. Н. Президентский марафон. М., 2000. С. 259.

²⁵ Орлова Г. Семь «Я» президента: призрак родства // Семейные узы. Модели для сборки: В 2 кн. Кн. 2. М., 2004. С. 298.

²⁶ Там же. С. 301.

²⁷ Крыштановская О. Указ. соч. С. 284.

²⁸ Орлова Г. Семь «Я» президента: призрак родства. С. 310.

²⁹ См.: Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияние на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. 2-е изд., доп. М., 2000.

³⁰ Что общего между гарантиями президенту и переделом собственности? // <http://www.stringer.ru/Publication.mhtml?PubID=1300&Part=0>

³¹ Крадин Н. Н. Указ. соч.

³² Тодуа З. Клань в Узбекистане и их влияние на современную жизнь в стране. См.: <http://eurasia.org.ru/archive/archives/july/m4.htm>

³³ См.: Лукеренко К. «Пожарная» организация власти: семейные кланы как принцип политической организации // Семейные узы. Модели для сборки: В 2 кн. Кн. 2. М., 2004. С. 324–352.

³⁴ Об этом упоминает ряд исследователей, например: Барзилов С., Чернышов А. Новые номенклатурные кланы // Свободная мысль. 1999. № 5. С. 23–32; Туровский Р. Власть и бизнес в регионах России: современные процессы обновления региональных элит // Региональная элита современной России. М., 2005. С. 143–178.

³⁵ Князев А. Указ. соч.

³⁶ Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М., 1999. С. 60–61.

³⁷ См.: Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

³⁸ Амрекулов Н. Жузы в социально-политической жизни Казахстана // Центральная Азия и Казахстан. 2000. №9: <http://www.cas.org/journal/cas-09-2000/16.Amrek.shtml>

³⁹ Крыштановская О. Указ. соч. С. 133.

⁴⁰ Фарукшин М. Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации. // ПОЛИС. 1994. №6. С. 78.

⁴¹ Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford University Press. 1995. P. 1275.

⁴² См.: Ганс-Петер Мартин, Харальд Шуман. Западная глобализация. М., 2001.

⁴³ Хейвуд Э. Политология. С. 523.

⁴⁴ Кадыров Ш. Туркменистан: институт президентства в клановом постколониальном обществе. // Вестник Евразии. 2001. № 1. <http://turkmeny.h1.ru/analyt/a4.html>.

⁴⁵ Лукеренко К. «Пожарная» организация власти... С. 351.

⁴⁶ Крадин Н. Н. Политическая антропология. М., 2004. С. 225.

⁴⁷ Там же. С. 225–226.

⁴⁸ См.: Ouchi W. G. A conceptual framework for the design of organizational control mecha-

nism //Management Science. 25. 1979; Idem. Theory: How American Business can meet Japanese Challenge. Reading, 1981.

⁴⁹ Например: <http://www.gazetaprotestant.ru/index.php/sociology/906>

⁵⁰ Крадин Н. Н. Элементы традиционной власти...

⁵¹ См.: Афанасьев М. Н. Указ. соч. Раздел IV. Гл. 4.

⁵² См. интервью Ш. Д. Ооржака в кн.: Люди Центра Азии. Кызыл, 1998. С. 221.

⁵³ Сидтиков Б. Шаймиев сегодня — это Брежнев вчера // Вечерняя Казань. <http://www.regions.ru/news/1777088>